

Михаил Чулков

**АБеВеГа русских суеверий,
идолопоклоннических
жертвоприношений,
свадебных обрядов**

«Остеон-Пресс»

1786

Чулков М. Д.

М. Д. Чулков — «Остеон-Пресс» , 1786

ISBN 978-5-85689-087-6

Это уникальное исследование было написано более 200 лет тому назад и с той поры не переиздавалось. Работа великого русского писателя, легла в основу всей будущей русской этнографии и стала краеугольным камнем исследований такого сложнейшего пласта русской культуры, как славянское язычество, но оказалась погребенной в тайниках спецхрана.

ISBN 978-5-85689-087-6

© Чулков М. Д., 1786
© «Остеон-Пресс» , 1786

Содержание

Предисловие к редкой книге	7
Коротко об авторе	9
Чулков Михаил Дмитриевич	9
А	12
Абысс	12
Ава-Юмон	13
Агир	14
Аграфенин день	15
Агун	16
Адамова голова	17
Адугар	18
Агрискон	19
Аилекас Яувра	20
Айха-Дгани	21
Ажушок или Ажулунач	22
Алане	23
Албаст	24
Алган-Голи	25
Алган-Таки или Таки-Алган	26
Алида	27
Амидаба	28
Амлея	29
Анга-Соарен	30
Антара	31
Антихрист	32
Аху-Галап	33
Ачускай-Пас	34
Ая-Итор	35
Б	36
Байкал-озеро	36
Бакша	37
Балын-Гус	38
Баран каменный	39
Береза	40
Билюкай	41
Благовещение	42
Бой кулачный и палочный	43
Борода	44
Бородон	45
Брак	46
Брови свербят	62
Буг, река	63
Бударин	64
Булавка	65
Булумер	66
Бурхан	67

	Белбог	68
	Беглючи	69
	Бесовское городище	70
	Бесы	71
В		72
	Ведат	72
	Вдова	73
	Вилка и Крючок любовные	74
	Вогулы	75
	Вода	76
	Водяной дедушка	77
	Волк	78
	Волос или Велес	79
	Волосы	80
	Волхв или Волховец	81
	Волшебники	82
	Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Михаил Дмитриевич Чулков
Абевега русских суеверий,
идолопоклоннических
жертвоприношений, свадебных обрядов**

© Российский Остеон-фонд, 2007

Предисловие к редкой книге

Этой книгой издательство до определенной степени пытается выплатить долг поколений перед великим русским писателем Михаилом Дмитриевичем Чулковым, который оказался незаслуженно забыт страной, которая некогда гордилась тем, что была «самой читающей». Мы провинились перед этим автором уже тем, что его труд числится в числе первоисточников, наверное, у каждого второго автора, занимающегося славянским фольклором и языческими верованиями и сидит в разделе «Библиография» практически в каждом студенческом реферате по русской этнографии, языческим верованиям древних славян, русским народным обрядам и обычаям. Увы, никто из тех, кто ссылается на «Абевегу русских суеверий», в действительности и в глаза не видел этой книги! Говорю об этом с такой уверенностью, потому что в настоящее время по единственному ее экземпляру находится в наглухо закрытых спецхранах государственных библиотек и читателям разрешается разве что поглядеть на нее издали.

Дважды изданная 225 лет назад, «чулковская «Абевега» с тех пор не переиздавалась ни разу. В виде урезанном более чем в 10 раз выдержки из «Абевеги» уже в перестроечное время вышли в сборнике «Сказание о чудесах» (М.: Советская Россия, 1990). Затем уже в новое время появилось ублюдочное переиздание этого труда под названием «Новая абевега русских суеверий», которая под этим названием кочует по полкам интернет-магазинов (это примерно то же самое, что появился бы «Новый Евгений Онегин»).

Почему же так произошло? Отчего русские этнографы забыли про основоположника русской этнографии? Книгу надо прочитать, чтобы ее понять. Скорее всего, это случилось от того, что в книге описываются не только и не столько старорусские или славянские верования, сколько верования народов России. В ней описываются очень подробно верования украинцев, бурятов, калмыков, камчадалов, марийцев, чувашей, татар – по сути эта книга есть первая, подлинная и настоящая энциклопедия мифов, обрядов, примет и верований самых разных народов нашей страны и потому в последующие века, когда в этнографической науке стал господствовать узко специализированный подход, она оказалась невостребованной.

Так над этой книгой сгустился самый настоящий «заговор молчания». Когда наше издательство попыталось вступить в переговоры с одной из весьма уважаемых библиотек относительно попыток скопировать ее, нам предложили оказать библиотеке скромную благотворительную помощь в размере всего лишь 2000 долларов. Стоимость этой книги 1782 года издания на букинистических сайтах достигает десятков тысяч долларов! И это касается классического труда, разрешенного царской цензурой еще 225 лет тому назад! Что уж говорить про более редкие издания?

Более внимательно ознакомившись с положением дел в государственных библиотеках, наше издательство может сказать лишь одно – это трагедия. Трагедия нашего поколения. Достаточно сказать, что компьютеризация наших ведущих государственных библиотек не простирается дальше вешалок. Да, на входе вам выдадут читательскую электронную карточку с магнитной полосой, но до сих пор НЕ СУЩЕСТВУЕТ даже электронного каталога хранилищ Российской государственной и Государственной публичной исторической библиотеки (те же, что есть, охватывают лишь последние 9 лет, а если Вас интересуют книжные сокровища предыдущих веков – копайтесь сами в пыльных ящиках, дорогие читатели!).

Уже не первый год мы обиваем пороги государственных библиотек и музеев, предлагая свою посильную помощь в деле оцифровывания хранилищ и запасников. Увы, до сих пор эта инициатива наталкивается на стену молчания. Ежегодно то сгорает один музей, то разворачивается другой, задастые тётеньки рыдают над печальной участью своего рабочего места и хором сетуют на незначительное государственное финансирование. Хочется спро-

силь: «Вам, девушки, сколько миллионов требуется на сканер? А сколько на корейский цифровой фотик?» Главная трагедия российской культуры – отнюдь не в недостаточном финансировании со стороны государства, а в тупости и инертности чиновников от российской культуры. Доходит до анекдота – мужа работницы разворованного музея сажают в тюрьму за пособничество в воровстве, а директора того же музея, который даже не обеспечил надлежащего контроля и учета за хранилищами и по сути создал все условия для расхищения – награждают очередным орденом.

Мы предлагаем предпринять массовое оцифровывание хранилищ и запасников библиотек и музеев, а библиотечные и музейные работники опасаются, как бы после этого не снизилась посещаемость их заведений. То есть воровать и поджигать – пожалуйста, а вот оцифровать, записать на диски, выложить в Интернет и сделать ценности доступными народу – ни-ни! И после этого мы еще говорим о том, что наши дети всё меньше читают, предпочитают книге телевизор, комиксы, компьютерные игры, манги...

В этом отношении показателен пример Западной Европы и США. Так, недавно СМИ сообщили, что корпорация «Майкрософт» решила предпринять беспрецедентное БЕСПЛАТНОЕ оцифровывание всех запасников Британской библиотеки. Только вдумайтесь в это – ВСЕХ АВТОРОВ за последние 500 лет (исключая тех, которые охраняются законом об авторских правах, разумеется). И все эти сокровища культуры будут доступны западному читателю абсолютно бесплатно. В утешение российскому читателю скажем, что наверняка, в Британской библиотеке найдутся и книги российских авторов, так что не исключено, что нам также удастся ознакомиться с раритетами отечественной словесности.

Мы уже говорили, что у предлагаемой читателю книги была сложная судьба. 225 лет тому назад она была издана дважды под разными названиями, но затем оказалась забытой и если ее строки достигали читателя, то лишь в пересказе эпигонов, которые зачастую даже не утруждали себя сносками и ссылками. Еще до революции книгу разодрали на цитаты все, кому было не лень.

Перед нашим издательством встала и немалая проблема с представлением читателю авторского текста. С одной стороны, хотелось бы донести до читателя книгу великого русского писателя в подлинном ее виде, с другой же стороны, мы отдаем себе отчет в том, что за 200 лет лексика русского языка значительно изменилась, и далеко не все современные читатели смогут справиться с текстом екатерининских времен. Поэтому после немалых сомнений было решено отредактировать текст и предложить его современному читателю в наиболее удобном виде, то есть в современной русской лексике, орфографии и пунктуации. Редакция не коснулась лишь композиции произведения, и «АбеВеГа» предстает перед читателем в том виде, в каком была изначально – от первой и до последней строчки.

Коротко об авторе

Чулков Михаил Дмитриевич

(Статья из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона»)

Михаил Дмитриевич Чулков (1740–1793) – замечательный русский литератор. О жизни его сохранились чрезвычайно скудные сведения. В предисловии ко 2-му изданию его «Записок экономических» сказано, что Чулков «в младенчестве обучался в московском университете и, изучив одно токмо начальное основание словесных наук, взят был из одного с прочими по именному указу и определен на службу». К этим данным можно прибавить только то, что в 1790 г. Чулков был надворным советником и секретарем Сената. С ранней молодости он отличался необыкновенной любовью к литературе и «писал почти беспрестанно сочинения всякого рода». Чулков был одним из самых плодовитых и разносторонних писателей XVIII в., и небесталанным. Митрополит Евгений свидетельствует, что Чулков «около 20 лет возраста своего (следовательно, в 1760 г.) отличал уже себя многими изрядными стихотворениями и романами». Первые опыты Чулкова остаются для нас неизвестными; знаем только, что в 1767 г. он издал «Краткий мифологический лексикон», да, по Сопикову, в 1766–68 гг. выпустил в 4 частях «Пересмешник, или Славянские сказки» (Евгений указывает только одно второе издание, 1783–89 гг.). В первом периоде своей деятельности Чулков чувствовал склонность к беллетристике и сатире. В эпоху сатирических журналов он издавал два небольших сатирических журнала: «И то, и Сё» (1769 г.) и «Парнасский Щепетильник» (1770 г.), в которых немало следов полемической борьбы с литературными противниками: особенным его нападкам подверглись романист Ф. А. Эмин и В. И. Майков. Их осмеял он и в сатирической поэме «Плачевное падение стихотворцев» (впоследствии эта поэма вышла отдельной книгой, в СПб., без обозначения года, вместе со стихами на качели, на Семику и на Масленицу). В период увлечения сатирой Чулков издал первую (больше не было) часть необыкновенно популярного у наших предков романа «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (ч. I, СПб., 1770). По своей внешней фабуле он является сколком с французских романов приключений; типы, выводимые в романе (ухаживатель Ахаль, Светон, секретарь), часто встречаются в сатирических журналах. Надо предположить, что обстановка жизни Чулкова содействовала возникновению в нем склонности изучать песни, сказки, обряды и суеверия народные. В его журналах заслуживают внимания и стиль, по изобилию пословиц и поговорок приближающийся к народному, и нередкие этнографические заметки, и народные песни. После издания журналов Чулков обращается к большим сводным трудам этнографического характера. Первым таким трудом было «Собрание разных песен». Мы знаем, что первые две части этого собрания были напечатаны по распоряжению императрицы Екатерины II и были готовы в 1776 г. (приводимое всюду указание на то, что собрание песен Чулковым в 4-х частях было напечатано в 1770–75 гг., неверно, ибо 19 июля 1776 г. Чулков ходатайствовал о разрешении императрицы печатать и остальные части сборника; см. «Архив дирекции Императорских театров», отд. II, стр. 101, СПб., 1892). Первое издание песен, сделанное Чулковым при сотрудничестве с Михаилом Поповым, в настоящее время не находимо и мы знаем о нем только по последующим. Второе издание было сделано Н. И. Новиковым в 1780–81 гг.; оно было дополнено двумя частями и в литературе известно как «Новиковский песенник» («Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских

опер и комедий»; впоследствии издание повторялось). Чулков заносил в свое собрание не только народные песни, которые, можно догадываться, он не записывал со слов, а списывал с тетрадей грамотеев, но и модные романсы современных ему авторов и арии из комических опер. Значение сборника Чулкова велико: до него не появлялось такого богатства народных песен, и он первый стал печатать песни без изменений и поправок стиля. В истории изучения русской народности Чулкову принадлежит почетное место. Собираение песен современникам его казалось по меньшей мере делом совершенно излишним, если не вредным: даже митрополит Платон отзывался о песнях, переизданных Н. И. Новиковым, как «о сумнительных». В 1780 г. Чулков приступил к новому этнографическому собранию, значительно низшему по своей научной ценности. В 1780–83 гг. в университетской типографии у Новикова были отпечатаны в 10 частях «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения». Чулков отличался большой любовью к памятникам народного творчества, но не обладал этнографическим пониманием, которое, впрочем, в то время еще и не привилось; он считал вполне возможным обращаться с былинами и народными рассказами по своему усмотрению. Ни одна из тех повестей, «которые рассказываются в харчевне», не занесена им в подлинном виде: он изменял, переделывал, дополнял их по рыцарским романам, по изданиям «Bibliothèque bleue». В 1782 г. вышел его «Словарь русских суеверий», который был переиздан в 1786 г; под заглавием: «Абевега русских суеверий, идолопоклонничества, жертвоприношений, свадебных, простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.». Для своего времени это был замечательный этнографический труд, которым в наше время находил возможным пользоваться А. Н. Афанасьев, в своих «Поэтических воззрениях славян на природу». От занятий этнографией Чулков перешел к занятиям историей промышленности и юриспруденцией. Труды Чулкова по истории торговли до сих пор совершенно не оценены. Им написано и по повелению императрицы за счет ее кабинета издано огромное «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего и всех преимуществ, узаконений и т. д.». (М., 1781–1788, 7 частей, в 21 томе; величайшая библиографическая редкость). Труд Чулкова основан на изучении архивных материалов и для истории нашего торгового законодательства имеет важное значение. В 1788 г. появилось извлечение из этого труда: «Краткая история российской торговли» (М.). Из «Описания» же извлечены «Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращения в торговле» (М., 1788) и «Наставление необходимо нужное для купцов, а особливо для молодых людей» (М., 1788). К области практической экономии относятся «Записки экономические для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному эконому» (М., 1788; 2-е изд., 1790). Чулкову одному из первых пришла в голову мысль популяризовать русские законы и издать справочную юридическую книжку. В 1791–1792 гг. вышел в 5 книгах его «Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы». В первой части узаконения были расположены в азбучном порядке, во второй – в хронологическом, с Уложения по 1790 г. (первая часть была переиздана в Новгороде в 1796 г.). Затем Чулковым был начат «Сельский лечебник, или Словарь врачевания болезней, бывающих в роде человеческом, в роде скотском и птиц домашних» (при жизни Чулкова вышло в Москве, в 1789–90 гг., 4 части; после его смерти, в 1803 г., вышла 5-я). Остальные напечатанные труды Чулкова: «Похождение Ахиллесово под именем Пирра до осады Троянской» (СПб., 1799; 2-е изд., М., 1788, по Сопикову); «Оберон, поэма Виланда в 14 песнях» (перевод с немецкого, М., 1787); «Переложение в стихах прозаического с французского перевода писем Петрарки к любовнице его Лори» (указание самого Чулкова; по росписи Сопикова эта книга неизвестна). В рукописях остались многие сочинения Чулкова, такие как проект вечного мира, примечания об экономических крестьянах, проект о заведении купеческого банка, словарь русского языка, словарь земледелия, скотоводства и домостроитель-

ства, поэма в девяти песнях о Самозванце Гришке Отрепьеве и др. Добавим еще сообщение Чулкова о том, что его комедия, до нас не дошедшая, под заглавием: «Как хочешь, назови», представлялась неоднократно в придворном театре в С.-Петербурге. Общей оценки деятельности Чулкова не существует. Этот человек в литературе был в своем роде Ломоносовым, конечно, меньших размеров. Его труды энциклопедического характера принесли большую пользу русскому обществу; труды по истории русской торговли составляют солидное ученое исследование; этнографические его своды сыграли большую роль в истории изучения русской народности.

П. Щеголев.

А

Аbyss

— так называется у татар школьный учитель.

Ава-Юмон

— под этим именем черемисы¹ признают супругу их первенствующего бога и первостатейную богиню.

¹ В наши дни эта народность именуется марийцами (коренное население Республики Мари-Эл) (*Прим. ред.*).

Агир

— так называется гирька, имеющаяся в курде, особенной машинке, которую калмыцкие попы получают от ламы и во время молитвы ее употребляют. См. Вера.

Аграфенин день

– 23 июня церковь празднует память, святой мученицы Агриппины, которая в простом народе прозвана Купальницей по следующей причине. Древние славяне признавали идола Купало богом плодов и праздновали его дни 23 и 24 июня. Разложив огонь, они совершали перед ним различные игрища, и пляски, перескакивая через него и припевая часто имя Купалово, за что ожидали в тот год изобилия плодов, что и между нынешними христианами во многих деревнях осталось; а потому Святая Агриппина всеми простолюдинами и называется «купальницей» – от идола Купало. К числу языческих святых мест принадлежит и находящаяся по Рижской дороге в десяти верстах от Санкт-Петербурга липа, ветви которой переплелись с отростками ближайших деревьев, так что составляют природную беседку, в которой и государь император Петр Великий ради приятности ее неоднократно изволил иметь свое пребывание. На этом месте собираются ижорки накануне Иванова дня, то есть в Аграфенин день, и препровождают с пением и воплями всю ночь при великом огне; а напоследок сжигают белого петуха, совершая при этом много скачки, плясок и прочего.

Агун

— это слово арабское, которым сибирские татары называют настоятеля своего духовенства.

Адамова голова

— так называется трава, которой окуривают пленицы или силки, которыми ловят диких уток, но это окуривание должно производиться в Великой Четверг, а иначе, по мнению суеверов, окуривание это будет не действительно, и силки не будут ловки.

Адугар

– Джа или Джа-Адугар, так у киргизов называются колдуньи. См. Ворожеи.

Агрискон

— так некрещеные чувашаи называют день недели, который у них есть пятница, а нашего воскресенья они не чтут, этот же день они проводят в праздности и пировании.

Аилекас Яувра

— лопари² так называют все те озера, которые они почитают святыми; и во всех таких местах стоят освященные деревья, на которых видны разные лопарями начертанные виды, перед которыми стоят жертвенники. См. Вера.

² Лопари, лапландцы (самоназвание – саами), народ, проживающий в северных районах Норвегии (30 тыс. человек, 1992), Швеции (15 тыс. человек), Финляндии (5 тыс. человек) и Российской Федерации (2 тыс. человек). Язык саамский. (Прим. ред.).

Айха-Дгани

— калмыцкое божество, жилище коего полагают в преисподней; от сего божества, разрушатся их огненные Галаты. См. Вера.

Ажушок или Ажулунач

— идол всех камчадалов³; вообще его изображают столбиком с обделанной верхушкой наподобие человеческой головы. Ставится он в юрте над домашней посудой и почитается за караульщика, отгоняющего от юрты злых духов за что и кормят его камчадалы каждый день, мажут ему голову и рожу вареной сараной⁴ или рыбой.

³ Камчадалы — в XVIII в. наименование коренного населения Камчатки — ительменов; позднее — потомков ительменов, коряков и чуванцев, слившихся с русскими, и потомков русских переселенцев XVIII–XIX вв. (*Прим. ред.*).

⁴ Сарана — малоупотребительное название одного вида лилии, *Lilium Martagon*, а также видов *Asphodelus* и других лилейных. (*Прим. ред.*).

Алане

— славянский народ⁵, не имевший ни богов, ни храмов, ни жрецов, но, вынув саблю из ножен и вонзив ее в землю, поклонялся ей, как богу, которого мнили правителем всех тех мест, в которых они воевали. Некоторые из этого народа предсказывали будущее, складывая и разбирая в определенное время прутья с наговариванием и соблюдением различных торжественных обрядов.

⁵ Аланы – ираноязычные племена сарматского происхождения. С 1 в. жили в Приазовье и Предкавказье. Часть аланов участвовала в Великом переселении народов. Кавказские аланы (по-русски ясы) – предки осетин. (*Прим. ред.*).

Албаст

— так вотяки⁶ называли дедушку-домового, который по их мнению живет в пустых избах, деревнях и банях. См. Домовой.

⁶ Вотяки – устаревшее наименование удмуртов. (*Прим. ред.*).

Алган-Голи

— калмыцкая адская шнурованная книга, в которую записывают все содеянное калмыками, и по которой они бывают судимы Ирлик-ханом, то есть их адским судьей. См. Вера.

Алган-Таки или Таки-Алган

— так у башкиров называется торжество, которое бывает перед свадьбой; бабы и девки заводят между собой спор о невесте, однако первые одерживают верх и, взяв первенство и преимущество у вторых, выводят в некотором месте у невесты волосы.

Алида

— так вотяки называют лешего, и уверяют, что он имеет одну только ногу и ту наизворот, один большой глаз и превеликую титьку, которую втискивает людям в рот, и тем их удушает. См. Леший.

Амидаба

— так калмыки называют одного из своих бурханов, который обладает двухтысячным небом, и такое множество воображают себе раёв, что и перечесть трудно; ибо каждому бурхану приписывают особое небо, в котором он водворяется с душами праведных, а бурханов полагают необъятное число. См. Вера.

Амлея

– бог камчадальский, сын Утужил Кутхи. См. Вера.

Анга-Соарен

– так у черемисов называется праздник, который они справляют перед распахиванием земли. См. Вера.

Антара

— так по преданию калмыков называется четвертная всесветная река, в коей определяют они все четыре реки. См. Вера.

Антихрист

– противник Христу. Раскольники утверждают, что Антихрист воцарился уже мысленно в то самое время, как началось в Москве исправление книжное, и будто бы Москва есть Вавилон и престол Антихристового царства и уже настало время второго пришествия Христа, для чего некоторые, зажигая свечу, молятся ночью всегда до пения петухов, ожидая страшного суда и тогда уже спать ложатся.

Аху-Галап

— так у калмыков называется первенствующий галап, то есть век или эпоха от сотворения мира. См. Вера.

Ачускай-Пас

— под этим именем мордва почитает некоторого идола, коему приносят в жертву рыжую корову.

Ая-Итор

– лопари почитают этого идола богом грома и грозы. См. Вера.

Б

Байкал-озеро

— по уведомлению иностранных писателей у монголов и бурятов по суеверному воображению Байкал называют морем, боясь, чтобы оно, когда дадут ему имя озера, за это бесчестие им мстить не стало и не причинило бы им несчастья.

Бакша

– так называют у киргизов особого рода колдунов. См. Ворожеи.

Балын-Гус

— так называется магометанское кладбище, находящееся в пригороде в Билярске, где по мнению магометан, татар и башкиров лежат их святые. См. Кладбища.

Баран каменный

— камчадалы, когда имеют нужду найти неведомого вора, то жгут становые жилы этого барана при собрании многих людей и при шаманах ибо по их мнению после этого сводит ноги того злодея, так как эти жилы от огня сжимаются.

Береза

— некоторые древние чудские народы обитали в таких местах, в которых было весьма мало леса, а березовых деревьев и вовсе не находилось. Наконец увидели они не только на степях своих, но и внутри самих жилищ своих произрастающие березовые деревья; это, не свойственное странам их растение привело их в несказанный ужас; а как они прибегли к гаданию, то волхвы их растолковали им, что это значит завоевание их былых земель белым царём, поскольку это растение из его владений к ним перенеслось. И так суеверный народ, поверив тому, оставил свои города и жилища пустыми и перебрался в другие места.

Билюкай

– камчадалский бог грома, молнии и дождя; он – то же, что и Пилячуч. См. Вера.

Благовещение

– суеверы утверждают, когда птица проспит Благовещенскую заутреню или в этот день завьет гнездо, то у ней на некоторое времени в наказание отнимаются крылья, и она летать не может, но ходит по земле.

Бой кулачный и палочный

— в великом обыкновении по всей России. Бьются один на один или стена на стену. Это должно значить шутку, однако нередко случается, что иному разобьют голову или переломают кости, а иные от этого увеселения лишаются и жизни.

Борода

— раскольники, именующие себя староверами, эту кучу волосьев почитает выше всех своих членов и дороже самой своей головы, мня, что они с бородою составляют образ и подобие божие, не вообразя и не размысля, что если Бог есть дух, то плоть наша ни малейшего подобия его составить не может, а ради этой неправосоставленной ими системы лучше хотят быть лишены головы, нежели бороды, чем и многих простаков заразили.

Бородон

– чувашское божество, которое они почитают хранителем их деревень.

Брак

– накануне брачного сочетания, приглашается в дом жениха мальчик лет шести или семи, который укладывает вещи в нарочно для того купленный ларчик, который жених тем же вечером относит в подарок невесте; а именно – башмаки, опахало, серьги, пряжки, белила, румяна, перчатки и проч. Во времена пребывания жениха у невесты, сидит он с нею на мохнатой шубе в знак будущей благополучной жизни. На другой день перед поездом в церковь тот же мальчик или другой с невестинной стороны должен невесту обуть в ее новые башмаки и продает ее косу за гривну или за рубль, то есть, что дадут. Невеста в знак ее покорности повинна в первый раз разуть жениха; причем жених кладет в сапоги в правый деньги а в левый плетъ; и когда невеста сперва за левую ногу примется, то жених, вынув плетъ, ударяет невесту, а если за правую, то отдает ей положенные деньги. Новобрачных же не кладут никогда спать в жилой хоромине, но в пустой и не топленной, как бы стелено не было, и некоторые для того нарочно стоят покои и на потолок земли не кладут. Под постель кладут ржаные снопы или солому. Если на невесту в церкви для головного убора венца не надевают и держит его какой-либо мужчина, то верят что тот брак будет недействителен, и жена непременно будет иметь побочных мужей или любовников, потому что она венца не надевала или потому что венчались их трое вместо двух. На другой день после свадьбы, если невеста не была в девках целомудренна, то матери ее преподнесут стакан с дырою, из которого напиток потечет, когда она возьмет его в руки, ибо дружка, поднося ей стакан, зажмёт эту скважину пальцем.

К сговоренной невесте у яицких казаков до самой свадьбы собираются ее подруги каждый вечер, поют песня, пляшут и играют с молодцами. В это время, которое иногда продолжается до двадцати недель, жених почти может обходиться с невестой как муж с женою. В девишник должен он принести невесте в подарок платье и весь женский убор. Напротив того, невеста дарит ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. После венчания едет невеста от церкви на телеге, а позади нее сидят мать и сваха, которая на всех пальцах должна иметь кольца и обе с двух сторон прикрывают невесту полотенцем, дабы зрители лица не видели. Перед телегой идет жених с отцом и дружкой, позади телеги многие ездят на лошадях верхом, и один из них держит полосатую плахту, которую черкасские жены обыкновенно носят вместо юбки на длинном шесте как знамя, и она плахта тем достойнее примечания, что, что местные женщины оной не носят. В прочем приятели препровождают день бракосочетания в питье, пляске и пении, и притом еще по большей части на улице. У этих козаков прежде был такой обычай, что ежели кто больше жены держать не хочет, то выведя ее на площадь, продаёт.

У донских казаков жених приезжает верхом за своею невестой, и лошадь под ними обвешана колокольчиками, дабы невеста слышать могла прибытие своего жениха. Эти колокольчика хранятся потом или у родителей новобрачных, или у них самих для памяти; невеста не приносит никакого приданого своему жениху, но он должен ее одеть с головы до ног.

Когда камчадал пожелает жениться, то высмотрев себе невесту обыкновенно в другом, а не в своем острожке, переселяется туда, объявив невестиному отцу или матери о своем намерении, некоторое время там работает, показывая свое удальство и проворство, и служа всем почище холопа, а более всего своему будущему тестю, теще и невесте, а потом требует позволения хватать невесту. И если поступки его родителям невесты и сродникам, также и самой ей понравятся, то получает он соизволение, в противном же случае или вовсе пропадают его услуги, или же с некоторым вознаграждением он отпускается. Иногда случается, что такие женихи, никому ничего не сказав, переходят жить в чужой острог и работают, и хотя всякий по услугам их может признать, с каким намерением они это делают, однако

никто их о том не спрашивает и не говорит ни слова, пока они или сами или через других не объявят родителям невесты о своем изволении.

Когда жених получит позволение хватать невесту, то он ищет такого случая, чтобы где-нибудь напасть на нее в малолюдстве, ибо она бывает тогда под охранением всего женского полу того острожка, которые редко от нее отлучаются. Сверх того во время хватания бывает она одета в двое или в трое хоньбы, опутана сетями рыболовными и ремнями увязана так, что она не может поворотиться, как статуя и если жених улучит в малолюдстве свою невесту, то бросается с превеликим стремлением, дерет на ней хоньбы и сети, чтобы коснуться тайного уда: ибо это у них вместо венчания почитается. Между тем как от самой невесты, так и от других баб и девок происходит ужасный крик, и хотя сама невеста при том не противится, да и противиться не может, однако охранительницы поступают с женихом не милосердно, бьют его, таскают за волосы, терзают лицо и всякие средства употребляют, чтоб ему не дать схватить невесты. И буде жениху посчастливится предприятие свое произвести в действие, то тон сам отбегает прочь от невесты, а она дает знак его победы умильным и жалостливым голосом – «ни, ни». В этом состоит вся важность брачного их сочетания, однако это получить жениху не в один раз случается, но между тем проходит иногда целый год или больше, а после каждого хватания принужден он бывает справляться с силою и раны залечивать; а есть примеры, что некоторые по семилетнем хватании вместо невесты получили увечье, будучи сброшены от бабы с балаганов.

Кто схватает невесту, тот на следующую ночь приходит к ней невозбранно; на другой день увозит ее в свой острожек без всяких церемоний, а для празднования брака возвращается к невестиным сродникам по прошествии некоторого времени.

У мордвы и чувашей, когда отец вознамерится женить своего сына, то прежде подсылает к невестиному отцу посторонних людей и спрашивает, намерен ли он отдать свою дочь за N? – когда тот согласен, то сошедшись с обеих сторон отцы и матери договариваются сперва о калыме, то есть выкупе; также держат свадебные издержки, как-то: попойку, и сколько точно и договорясь напр. на ведре вина, бочке пива и меду, женихов отец приготавливает по своему договору и переносит в дом невестин; кладет также калым или выкуп за невесту 8, 9, 10 руб. и более, смотря по состоянию обеих сторон. Приведши все это в порядок с жениховой стороны отец и мать просят всю невестину родню в гости в ее дом, а женихова родня при том не бывает. В этот день сошедшие гости пьют и веселятся, а дети ни мало этого не знают; таким образом сделанный договор иногда продолжается долгое время. В самый день свадьбы объявляют жениху и невесте их отцы, что у них будет в этот день свадьба и собравшиеся женихов отец с матерью ездят к невестиному отцу и матери; а невеста уже тогда бывает в готовности к браку... Вся церемония их состояла в том, что невестин отец, взяв свою дочь за руку, а мать – хлеб и соль, вручают ее свекру и свекрови. Невеста, поблагодарив своих родителей за попечение и воспитание и оплавав всех своих ближних, покрывается белым холстом до пояса и выводится из отеческого дома через своего брата до саней или телеги. Таким образом родня с невестиной стороны, проводив ее до середины дороги, возвращается назад, а с половины дороги встречает родня жениха; ибо при самой свадьбе с невестиной стороны никто не бывает. Как приедут к женихову двору, тогда женихов брат или ближайший сродник берет невесту за руку и, введя ее в избу, сажает за стол; потом кличут жениха, который, нахлобуча шапку, садится подле невесты. Женихов отец при собрании всех гостей и сродников берет поставленный на столе длинный пирог аршина в полтора за конец и поднимает другим концом пирога наложенное на невесту покрывало, говоря такие слова: вот тебе свет, будь счастлива к хлебу, животу и к размножению семьи. Потом свекор меняет ей прежнее имя и называет Межява, большая, если женится старший сын, Сернява, средняя, Вежава, меньшая по старшинству их мужей. Тогда жених и сродники увидят невесту, а невеста своего жениха или мужа. После этого начинается пиршество, кото-

рое продолжается смотря по богатству свекра. В этом состоят их свадебные обряды и таинства. Случается у них, что обручение или помолвка бывает еще во время малолетства детей, когда отцы знают, что их малолетние дети и летами и имуществом между собою равны, то во время народного сонмища меняются друг с другом рогами с табаком, говоря: смотрите, добрые люди, что мы между собою сватовья; а как это засвидетельствуют, тогда они уже и называются сватовьями по возрасту своих детей. Если же по возрасту какому-нибудь из отцов бывший договор не понравится, например, если женихову отцу не понравится невеста и он откажется, тогда невестин отец отдает свою дочь за другого; напротив, если невестиному отцу не понравится жених, тогда он не может отказаться иначе, как заплатив от 6 до 12 рублей.

Когда они были еще язычниками, то хотя им и позволялось брать столько жен, сколько кто содержать в состоянии, однако смотря по крестьянским достаткам, никто более трех жен не имел. Двух сестер родных брать у них за грех не почиталось, с тем только различием, что если первая сестра умрет, так зять и сватается к другой сестре, приходит к тестю и требует себе в замужество, если же тесть на это добровольно согласиться не хочет, то может быть зятем к тому и принужден следующим образом. Когда зять, придя к тестю, говорит: «отдашь ли за меня, Енай, то есть свояченицу», а тесть отвечает «нет», тогда зять потаённо принесенный хлеб или калач, вынув из-под полы, старается положить на стол. И если ему это удастся сделать и сказать «вот хлеб и соль, береги мою Енай». Проговорив эти слова, жених должен скорым бегством спасти свой живот, ибо когда его в таком случае догонят, то бьют нещадно, а если он уйдет благополучно, тесть принужден бывает отдать свою дочь. Впрочем, до крещения мордва имела право продавать своих жен с прижитыми детьми, когда они им не полюбятся и брать других. Напротив того, неимущие, которые не в состоянии дать выкуп за невесту, стараются подцепить где-нибудь девку удалством; на такой конец подговаривают шайку удалых ребят и потаенно приезжают в ту деревню, где поговорена девка; а иногда из базаров и других мест увозят против воли девок. Во всех таких случаях совершается с ними простая наша пословица: или добыть или дома не быть; ибо когда нагонят с девкой, до за добычу должно расплачиваться боками, а иногда и головою. Если удастся увезти благополучно, то он и владеет ею, однако и тут калыма или выкупа избежать невозможно, но платят его исподволь. С того времени, как они стали иметь больше общения с русскими, несколько переменились и их свадебные обряды, сватаются они по русскому обыкновению, примешивая и свои обряды, а особенно в самый тот день, когда к венцу приуготовлена. Ее одевают в красное платье, т. е. в красный кумачник, красную рубашку и красные сапоги, на все пальцы обеих рук надевают перстни разных цветов с привешенными к ним небольшими цепочками, к которым прикреплены так же на иных серебряные, на иных медные копейки, а на иных полушки. Голову ей покрывают красной фатой, так чтобы лица видеть не можно было, перед нею ставят скамейку, на которой лежит хлеб, ведро пива и соль. Подле нее садится пожилой мужик с образом, перед которым малый мальчик держит свечу, между этим временем подходят к ней ее сродники и нагибают свою голову под фату, которых она каждого порознь оплакивает. Во время этой церемонии один играет на гудке, а прочие по их обычаю приплясывая, поют «вой, вой». Тут потчивают пивом или медом всех предстоящих, и всякий себе за честь вменяет быть при таком случае пьяным. С жениховой стороны никто тут не бывает, кроме отца или брата, свахи и двух дружек. Свахина и одного сдружки должность состоит в том, чтобы плясать и подносить, а другой дружка, стоят перед невестой безмолвно, держит в руках обнаженную саблю, которой помахивает время от времени и ударяет в потолок или в матицу... У печки на столе кладут постель и все приданое невесты, на котором садится или невестина сестра или другая какая подруга, и у нее дружка приданое выкупать должен. Когда невеста всех своих сродников оплачет, тогда дружка с саблей идет наперед, потом отец невестин или ближайший сродник с образом, а

мать или бабушка со свечей. Двое из поезда берут невесту под пояс, а третий, т. е. главный дружка, за ноги и так ее выносят на двор; между тем невеста, как бы неохотно оставляя дом своих родителей, хватается руками за матицу, и держится, сколько ее сил есть: отец и мать или ближайшие ее сродники стараются развести ее руки и помогают вынести ее вон. В самих еще дверях хватается она в другой раз за косяк, где с нею то же делается. Когда вынесут невесту на двор, то дружка с саблей кричит, чтобы все зрители стояли рядом, и чтобы никто невесте навстречу не попался, ибо встреча тогда за худой знак почитается. Между тем запирают избыные двери, и никого из избы не выпускают, пока невеста не будет посажена в сани или в телегу и не покрыта белой скатертью с бахромою. В поезде перед невестой едет отец или брат жениха, на ними невеста, сваха и дружка, на одной упряжке. За невестиной упряжкой едут ее подруги и прочий поезд до половины дороги, невесту привозят в церковь, где ее дожидается жених. После венчания в церкви жених едет наперед, невеста позади, а за невестой поезд; по приезде домой, жених принимает невесту и ведет в избу, но прежде, чем входят в нее, оба становятся одной ногой на порог избы, где им сперва жениху ставят на ногу горячую сковороду с хмелем, нарочно к этому приготовленную, которую он с ноги сбрасывает столь далеко, сколько ему заблагорассудится; потом ставят сковороду на ногу невесте, которую она также сбрасывает; но тут домашние примечают, сколь далеко она сковороду скинет, и заключают, что чем далее от ее ноги сковорода отлетит, тем она сердитее и сварливее будет, в противном случае уклончивою и смиренною быть надеются... После этой церемонии все входят в избу, садятся за стол и пируют; при этом пиршестве никто из невестиной родни не бывает, и молодая надевает свое девичье мордовское платье, заплетает косу и покрывается повязкою. Невестины отец и мать и прочие сродники до тех пор ни с нею, ни с ее мужем не видятся, пока с ее стороны не будет прислано, чтобы ее родня к ней приезжала; и так иногда это свидание через полгода или через год случается. Это для того бывает, что она до тех пор, пока после свадьбы не увидится со своим отцом или кто ее выдавал, имеет право пользоваться девичьей красотой и носить девичье платье, а увидясь со своими, ее лишается, облекшись уже в женский убор.

У татар, по реке Черемшану живущих когда жених или его родители где выберут невесту, то сватают через посторонних людей, и если дело пойдет на лад, то за самый первый пункт почитается калым или выкуп, и самый бедный должен платить по крайней мере тридцать рублей, а богатые по сто и двести и дорожке покупают себе жен. Принуждения к женитьбе у них нет, а особенно женскому полу; почему при собрании родственников и посторонних людей отец спрашивает у невесты, люб ли ей жених и охотно ли она за него идет? Согласный ее ответ решит все дело, ибо призвав муллу, который прочитав молитву, позволяет невесте с женихом вместе сидеть за занавесом, а прочие пьют и веселятся. Если жених в состоянии заплатить выкуп, то берет в то же время с собой невесту; в противном случае невеста остается у отца до тех пор, пока жених не выплатит всего выкупа по частям. Между тем жених имеет право тайно время от времени посещать свою невесту, что у них называется «ходить за пазуху», ибо вольность жениха должна простираться только до пазухи невестиной, а не далее. Когда же выплатит весь калым, то собираются к невестиному отцу на пиршество и упившиеся гости разъезжаются по домам, а жених с невестой и другими сродниками, так же и с приданым уезжают в свой дом, где, призвав муллу, совершают брак. Мулла спрашивает только три раза, женился ли...? прибавляя имя жениха, на что ему дружка отвечает теми же словами, «женился»; спрашивает так же троекратно невесту «вышли ли?» на каковой вопрос отвечает сваха «вышла», ибо жених и невеста мулле не показываются, но сидят или в другой избе или за занавесом. По этим вопросам мулла прочитает молитву, и тем кончится вся тайнобрачная. По прошествии двух или трех дней зять призывает к себе в дом тестя и всю женину родню, с которой и пиршествует, причем всякий по своему достатку награждают новобрачных, как то скотом, платьем и прочим.

Хождение за пазуху имеет кроме облегчения в выкупе и другие основания; тут жених приходит к невесте врасплох и может быть уверен в ее качествах, ибо если он за ней что подозрительное приметит и засвидетельствуется другими, дозволяется отказаться от невесты заблаговременно и возвратить назад часть данного выкупа.

Женитьбы детей у калмыков зависит единственно от воли родителей. Но прежде чем они сватовство предпринять могут, приходят к своему гелюню и объявляют ему имя жениха и невесты, год и число, в которое они родились. Гелюнь справляется в своем «Сударе» и объявляет соизволение бурханов: если по гелюневу мнению предвещание о свадьбе будет худое, то ни под каким видом брак совершиться не может, разве только отцы одарят гелюня столько, что он этими подарками и бурханское соизволение переменить в хорошее предзнаменование.

Когда получать от гелюня доброе предвещание, тогда уже договариваются о калыме при свидетелях с обеих сторон. Невеста обыкновенно жениху принести должна новую кибитку, несколько всякого вида скота и ясырь, то есть услужников и услужниц.

Брак совершает гелюнь во время новомесячия со своими обыкновенными обрядами: сперва приводит их к бурханской присяге во взаимной верности; потом выводит их из кибитки, приказывает им глядеть на солнце и читает свои молитвы, при которых жених с невестой бьют земные поклоны; иные говорят, что жениха с невестой обводят троекратно около кибитки, другие, напротив того, уверяют, что это неправда, но при бракосочетании все обряды состоят в молитвах. По совершении молитв, гелюнь накрадывает на них руки и тем заканчивает. По венчании невесту сажают в кибитку за занавесом, а жених садится впереди; родня берет сырую овчину, и тянут ее сколько сил есть; и если женихова родня втянет в кибитку невестину родню, то невестина родня принуждена бывает держать свадебную попойку; и обратно при начатии пиршества невесту вводят в свою кибитку, где она с женским полом торжествует при игре музыкального согласия, состоящего в чебызге, волынке и гудках, ибо молодой по их установлениям возбраняется видаться со свекром и со старшей жениховой родней, да и отца своего не прежде, как по прошествии года посетить дозволено, и тогда она от него совершенно свой пай получает, как то: верблюдов, скот и проч.

При совершении бракосочетания мокшанцы⁷ сажали невесту в собрании всех своих приятелей на рогожу относили к жениху в покои и отдавали ему, говоря такие слова: «вот тебе, волк, овца», в каком случае невеста по благопристойности притворяется столь неистовой, сколько сил ее станет. Еще и ныне имеют они такое обыкновение, что когда невеста после венчания возвращается после российской церкви, она должна беспрерывно в голос вопить; да и некоторые из них в такой горести царапают себе лицо немилосердно; при том же у невесты лицо бывает закрыто фатою или вышитым полотенцем. Еще и ныне держатся они того обыкновения, что на другой день после свадьбы старший из сродников, взяв хлеб с привешенной в нему небольшою шапкой и пряжкой, которую носят на груди, приносит в дар молодой, ставит трижды ей на голову и при том не всегда по порядку говорит ей такие слова: «тятей, мезей, пивей» только выговариваемое последним слово должно быть обыкновенно именем молодой.

Калмыки яйцкие сговаривают своих детей не только в младенчестве, но и во чреве, при том с таким договором: если у одного родится сын, а у другого дочь, то они должны непременно сочетаться браком, и это обручение соблюдают ненарушимо. Молодых людей обыкновенно сводят тогда, когда им отроду четырнадцать лет и более; еще за два года до свадьбы дается жениху вольность ходить к невесте и с нею играть; но если она обрухатеет еще до свадьбы, то принужден он задабривать ее родителей подарками, не смотря на то, давно ли происходило обручение или недавно; однако должно еще до свадьбы договориться

⁷ Мокша – этнографическая группа мордвы. Язык – мокшанский. (Прим. ред.).

с невестиным отцом и матерью о даваемом числе лошадей и другого скота. Напротив того ее родители готовят в приданое за нею платье, потребные в доме вещи и постель, состоящую из узорчатых и по краям обшитых шелковою или бумажною материей войлоков и таких же одеял; сверх того дают еще новую из белого войлока сделанную кибитку. Перед свадьбой осведомляются у гелюня о благополучном к тому дне. Когда же должно быть свадьбе, то невеста со своими родителями и сродниками поедут к жениху, поставя новую кибитку; гелюнь читает при всех поезжатах некоторые молитвы над женихом и невестой после чего по его приказанию расплетают у невесты все косы и заплетают волосы только в две косы так, как носят бабы; потом гелюнь, сняв шапки с жениха и невесты отходит с гетсюлом в поле и там окуривает оные ладаном, читая при этом молитвы; а возвратясь оттуда, отдает шапки дружке и свахе, которые и надевают оные на головы жениху и невесте. Потом потчивают гостей и невестин отец обыкновенно дает скота на пиршество. Как гости разойдутся, то невеста остается в кибитке у жениха и ей несколько времени не дозволяется выходить из кибитки; к ней никто не приходит, кроме матери и сродниц. Сказывают, что на свадьбах у князей происходят великие увеселения, а именно: бывает знатное пиршество, при котором случае находится предводитель у тех, которые носят кушанья в больших деревянных сосудах; предводитель едет впереди на бурой лошади в великолепном платье, через плечо повешен длинный кушак из тонкого полотна, а у шапки вист черный лисий или куний мех. В день бракосочетания во всех улусах духовные особы читают молитвы, а светские веселятся на свадьбе, бегают на лошадях взапуски, борются, стреляют из луков и проч.

Калмыкам по их вере не позволяется иметь много жен, но этот закон не соблюдают столь строго, чтобы знатный или начальник иногда не имел у себя двух или трех жен; однако такие примеры случаются редко. Хотя и не позволено им разводиться с женою, однако такое часто бывает, а особенно у знатных. Если калмык имеет причину быть недовольным женой или если она сама захочет развестись, то ему вольно раздеть ее донага и прогнать плетью; если же он хочет развестись с нею честным образом, то позовет ее сродников к себе на пир, дает жене оседланную лошадь и столько скота, сколько хочет или может дать и с этим добром от себя отпускает.

Вотяки, последуя примеру своих предков, сватают девиц по договору, сколь много надобно дать за нее калыму; когда договор заплаты окончится, то жених берет невесту в свой дом и целую неделю пользуется ее приятностями; но по прошествии этого времени отец невесты, приехав к своему зятю, берет ее обратно, и целый год держит ее в своем доме так крепко, что она не может иметь никакого свидания с назначенным ей женихом. В этот год жених печется дабы заплатить потребное число калыма; а невеста со своей стороны оказывает последние услуги своим родителям; но как все уже будет готово, то сделав все нужное к свадебным обрядам, делают пир и посреди собравшихся гостей отец жениху вручает свою дочь.

У самых гостеприимного покоя дверей становится она на раскинутом сукне и ждет, пока духовный человек принесет в жертву стакан пива и сотворит к богам молитву о ниспослании молодым счастья в наживании хлеба, детей и богатства. Освященное пиво дает он пить молодым, и это служит как будто брачным таинством; после этого разносит девка с невестиной стороны мед или пиво, а сама невеста, прося каждого гостя выкушать подносимое, становится при том на колени и до тех пор не встает, пока гость не опорожнит сосуда. Между тем не укладывая еще молодых спать, едят изрядно, попивают, пляшут и так далее.

Киргизы платят калым за невесту смотря по своему достатку и смотря на красоту и природу сватаемой девки: самая посредственная плата за невесту должна состоять в одном пленнике, в тридцати или в сорока лошадях, в некоторых военных снарядах. Перед днем брака отец невесты на некотором расстоянии от своего жилища ставит белую кибитку,

в которой обыкновенно отправляются брачные обряды между женихом и невестой, к ней привязывают богато убранную женихову лошадь и там же кладут наилучшую его одежду.

Если невеста на день сочетания своего сохранила себя беспорочной, то брачное пиршество отправляется с весельем; если же случается тому противное, то бывшие при этой церемонии сваты заколют убранную женихову лошадь и в мелкие куски изрежут его одежду, означая тем неблагополучие сочетавшихся. В таком случае отец невестин служит ругательству собравшихся гостей и притом лишится взятого за дочь свою калыма. Такие примеры у них весьма редко случаются, потому что девок просватывают они по большей части малолетних. Утром брачного дня невесту, сидящую на богатом ковре, носят четыре девки прощаться со всеми ее подругами; это прощание служит знаком ее исключения из девок, и с того дня жених может видаться со своим тестем, чего по сей день у них не бывает.

Они наиболее подстерегают калмычек, потому что они, по их сказкам, удовлетворению похоти наилучшее имеют телосложение и долее всяких других женщин ровняются с молодками; почему и знатные киргизы на них женятся, когда согласятся принять магометанский закон; напротив того, как персианки, как и персиане-кизилбаши⁸ настолько им ненавистны, что выдают их и за своих невольников.

Когда кто впервые жениться хочет, то дает за природную киргизскую девку около пятидесяти лошадей, двадцати пяти коров, до ста овец, несколько верблюдов или невольника и латы. Я положил здесь среднюю цену; скудные женихи дают и гораздо меньше, богатые же и в несколько крат больше; другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платят и того еще больше и так далее.

Лопари женят и замуж выдают детей по своей единственной воле, уважая при том одно только имение, а потому и безобразная девка, когда только не скудна, может выйти за хорошего человека. Холостым не дозволяется у них жениться до тех пор, пока не выучатся свежевать оленя. В некоторых местах располагается договор о браке с такой превеликой точностью, как будто о какой-то великой купле, хотя впрочем запросы бывают и нарочито непомерны, даваемое женихом за невесту награждение принимается счетом и состоит в известном количестве оленей или мягкой рухляди.

Свадьба бывает у невесты, которая в самом лучшем свое наряде выходит к гостям простоволосой, а в другую пору у нее всегда подвязана голова, как у баб, так и у девок. Свадебное их угощение есть ничто иное, как очередное пиршество, идучи на которое всякий несет с собою как съестное, так и напитки. Забавляются же они на свадьбах и при других собраниях игрою в гуська, эта игра подобна шахматной и производится тринадцатью камешками, представляющими гусей и лисицу. Увеселяются также борьбой, прыганьем через держимые вдоль шесты, рассказыванием забавных басен, нескладным и пополам с криками смешанным пением и пляскою. Молоды живут в первый год у тестя и у тещи, а потом перебираются в свой шалаш.

В доме, где быть свадебному пиршеству, черемисы ставят на стол на стол домашнего идола, перед которым карт творит молитву, потом бывает обед и начинаются веселости, состоящие в пляске по гусям, волюнке, шиббере и губном органе кобате, в оранье песен и тому подобном; между тем наряжают невесту в другой избе в бабье одеяние, сиречь снимают с нее покрывало и надевают ей на голову вместо худой нарядную высокую шапку или повязку. Жених, взяв ее за руку, отводит в гостеприимный покой, где она во время творимой картом молитвы стоит на коленях, а потом раздает свои дары и подносит всем гостям пиво или мед, после чего возвращается в свою избу. В вечеру раздевается невеста сама, однако

⁸ Кизылбаши (турецк. красноголовые) – название, данное в насмешку персам и вообще шиитам в Турции и др. суннитских землях, по красному головному убору, который носили войска династии Сефи во время своих войн с Турцией. В Московской Руси К. называли персов, даже в официальных актах.

спать ложится не добровольно, но принуждаема будучи к тому посторонними бабами. Уложив молодых, запирают подклеть; на другой день поутру приходит к ней туда с несколькими женщинами, заступивший место родного невестина отца, мужчина, держа в руке добрую плетть, и если приметит, что невеста в девстве вела себя не целомудренно, то погрозя оною, совершает на другой день свои угрозы; таким же образом пропуская только больше или меньше после страдания времени, наказывают мужья жен своих, когда в замужестве приметят за ними непостоянство. Другой после свадьбы день препровождают они также в пировании и веселье, а как станут напоследок расходиться гости, то всякий, выпив последний стакан, бросает в него несколько копеек молодым в подарок. Мало бывает и между исповедующими уже христианский закон черемисами таких свадеб, на которых не происходили бы эти языческие обряды, хотя и за несколько месяцев или лет, но бедный странствующий удалец скорее совершает свадьбу похитив милую ему девку и доведши ее уже до беременности, дает тогда отцу такое за дочь вознаграждение, какое сам вздумает и таким образом безо всяких свадебных околичностей наживает себе жену.

Если кто из чувашей, обитающих по Волге вздумает жениться, то сват торгует девку очень крепко; обыкновенная невестам цена простирается от двадцати до пятидесяти рублей; но иные за пять и за десять рублей получают также себе жену; напротив того богатые дают за невесту и до восьмидесяти руб.; невестино приданое, состоящее в дворовом скоте, домашней утвари и одеянии, бывает почти равное платимым женихом за нее деньгам. Торговец о невесте называется у них сватовством (хотя).

По заключении оного бывает особый с дарами поезд; жених приезжает с родителями своими к невесте платить за нее договорные деньги, дарит новых родственников рубашками, плашками или холстом. Невестин отец для сугубого в женитьбе счастья приносит ей в жертву пшеничный хлеб и небольшое количество меда-сырца; он держит дар свой напротив солнца и творит молитву; после чего едят, пьют и напоследок определяют, когда быть свадьбе..

Во время свадьбы невеста сидит занавесив лицо за загородкою, напоследок, выйдя отсюда, ходит прискорбно в гостеприимной избе кругом, а девки носят перед нею пиво, мед-сырец и хлеб; как обойдет она в третий раз избу, то жених срывает с нее покрывало целует ее и меняется с ней перстнями; с сей поры называется она обрученною девкою и разносит гостям хлеб, мед-сырец и пиво, а напоследок уходит опять за отгородку, где бабы вместо худой девичьей шапки надевают на нее бабью или побогатее убранную хушну.

Когда станут молодых раздевать, то невеста должна скинуть с жениха сапоги. На другой день поутру происходит о девичьей непорочности следствие; если окажется, что она до замужества жила не целомудренно, то невестин прислужник подает старейшине с пивом такой стакан, у коего на дне пробуравлена дырочка, которую зажав пальцем, удерживает пиво, но как скоро гость возьмет стакан в свои руки, то начинает напиток бежать из дырочки; гости поднимают превеликий смех и приводят тем невесту в стыд: других не бывает никаких следствий. На другой день принимает молодая гостей уже как хозяйка; в рассуждении чего и веселья бывает больше, нежели в первый день; пляшут же они по гусям, по волюнке и по губному органу. Крещеные венчаются в церкви спустя иногда и долгое время после оных обрядов. Свадьбу играют больше у жениховых родителей и она несколько на очередную пирушку, потому что всякий гость несет что-нибудь с собою. В прочем ставят еще на стол и блюдо с хлебом, в который воткнута стрела; тут кто изволит из гостей, кладет на разавод несколько копеек.

У казанский и оренбургских татар перед свадьбой невеста должна некоторое место очистить от волоса; у простых людей исправляют это дело на девичнике бабы бритвами; знатнейшие же употребляют к тому заранее особенную мазь (Т.Сурах) которую и мужья бороды свои для уменьшения мажут, и которая составляется из спермента и негашеной изве-

сти; растворя их на воде или на постном масле, этой мазью потирают они в бане причинное место несколько раз не сряду, но пропуская по немногу времени, а когда волос вновь пустится, то опять за мазь принимаются. Некоторые выдергивают волосы, дабы навсегда избавиться от частого и тягостного бриться, и с самым корнем. Девки, собравшись на девешник к невесте, у которой лицо бывает занавешено, оплакивают вместе с нею перемену ее состояния, в невестинной же песне, которую поют двое мужчин, почитается эта перемена желательной. Накануне свадьбы относят невесту ввечеру, посадив на ковер, в тот дом, где быть свадьбе, и тут-то видится она с новыми своими родственниками.

Весь обряд бракосочетания их состоит в том, что мулла спрашивает вслух жениха и невесту, желают ли они вступить в супружество, и, получив утвердительный ответ, как на это, так и на то, что договор уже сделан, объявляет их, читая молитву, сочетавшимися браком. А как потеря девичьей чести почитается у них за великое бесчестие, то немолчаливый жених может в день свадьбы как по справедливости, так и напрасно сорвать еще с тестя и тещи клепаньем своим какой ни есть подарок.

Многие башкиры имеют по две жены, а больше редко у кого бывает. Употребительный у них выкуп за невесту(калым) состоит в скоте и простирается он от пятнадцати до двухсот голов, причем лошади, рогатый скот и овцы даются почти по равному числу. За невестою идет часть сего выкупа в приданом и потому возвращается в прежние руки. По причине изобилия в кумысе и сообразуясь своей бодрости, играют они свадьбы только летом. Перед сочетанием, совершаемым муллою, бабы и девки заводят между собой спор о невесте, причем первые одерживают верх и потом в некотором месте выводят у нее волосы и это торжество называется у них Таки Алган. При сочетании мулла дарит жениху стрелу и говорит: будь храбр, содержи и защищай свою жену... На всякую свадьбу для бишбармака убивают по одной лошади. В первую ночь остается у молодых двое мужчин и столько же женщин; на другой день получают гости от молодых небольшие дары, как-то нитки, холст, плашки, иголки и прочее.

Увеселения их во время свадеб и праздников состоят кроме пирования в пении, пляске, борьбе, бегании на лошадях взапуски, стрельбании в цель и смехотворных представлениях, на коих они передразнивают людей и зверей, и эта игра называется у них «черный иноходец». Они играют не только на балалайке, но и на гудках, сделанных из пустых травяных стволиков, к чему некоторые и баса припевают. При пении употребляют они искони такое изобретение, которое в ином месте не постыдно было бы объявить и за новое, а именно: они носят для обороны от комаров особенные опахала, которые нашим почти подобны, и в их складках пишут они свои песни. Песни их гласят о славных богатырях, странствующих удалых головах, превращениях и проч., и служат преимущественно для соблюдения в памяти дел их славных предков, которые и воспевают они с великим восторгом. Когда напоследок жених собирается вести невесту в свой дом, она ходит из юрты в юрту прощаться с благодарением и плачем, при этом случае иные наделяют ее скотом, а иные домашней утварью. В родительской юрте обнимает она кумысный мешок, благодарит его, что столь долго ее питал и прицепляет к нему небольшой подарок. Весь стан провожает молодых несколько верст и все пьют при расставании взятый с собой в малых мешках кумыс.

У чулымских татар сват, идучи к невесте, берет с собой новую китайскую трубку и китайский же курительный табак, объявляет там причину своего пришествия и удаляется на короткое время. Ежели он при возвращении своем приметит, что трубка его совсем не употреблялась, то почитает это за отказ; если же увидит, что из нее курено, то торгует невесту на платье, мягкую рухлядь, скот и прочая. Цена простирается, считая на деньги, от пяти до пятидесяти руб. По соглашении жених и невеста препровождают первую ночь в новой юрте, причем между нею и тестевой юртой содержится огонь. В число происходящих обыкновенно на свадьбах увеселений, состоящих как и у других татар пирование, песнях, пляске

и проч. принадлежит и то, что жених при упомянутом огне борется с невестиными родственниками; ему надо одержать при том победу, и великая сила его честь, если он может сам собою без посторонней помощи управиться. Вместо постели служит молодым разостланный войлок. Невеста противится на него ложиться, и поскольку простит она при этом случае помощи у замужней своей приятельницы, то та должна учить ее, как ей впредь с мужем жить, за что получает в подарок праздничное платье. Если невеста не имеет признаков своей честности, то молодой тихим образом от нее уходит и, к бесславию молодой, возвращается к ней не прежде, как разделавшись с похитителем ее чести, после чего все забывается.

У мордвы по приезде невесты в женихов дом приходит его мать со сковородою, наполненною сухим хмелем, который зажигает она горящей лучинкою и ставит сковороду к правой ноге невесты, а она отталкивает ту ногой; так делают трижды, и каждый раз сгребают просыпанный хмель на сковороду. При этом случае примечают, что если сковорода упадет на оборот, то есть дном кверху, это молодым предвещает всякое злополучие, если же она ляжет вниз дном, то почитают это за счастливое предзнаменование. Потом кричат: «Давай пива», и как скоро подадут, то невеста, снимая несколько колец с руки опускает их в братину, из которой потом пьют гости. Наконец раздают гречневую крутую кашу собравшимся со всей деревни старым и малым, каждому по чумичке, и кладут иному в шапку, иному в полу, а иному и за пазуху.

Древние россияне при брачных сочетаниях поступали следующим образом: между прочих церемоний перед поездом в церковь садится жених с невестой рядом или на соболей или на какой-нибудь другой мех, чешут свахи им головы, обмакивая гребень в мед или вино, которое держит в ковше нарочный. Потом осыпают их осыпалом, то есть деньгами и хмелем, тут же зажигают брачные свечи, которые бывали по пуду с лишком, смотря на имение новобрачных; зажигали же их особою Богоявленской свечкой. В церковь возили с собой вино в склянице, и когда священник даст пить жениху и невесте, то при последнем разе жених разбивает скляницу с оставшимся вином об пол и топчет бутылку ногой. Брачные свечи ставят потом составивши их вместе в кадку в пшеницу на целый год в сеннике, в головах у постели. Сенник готовят к тому следующим образом: поставят по всем четырем стенам образа, а в головах постели над, над дверями и окнами по кресту воздвигательному, по всем четырем углам воткнут по стреле и на них по соболю или кунице и воткнут по калачу; на лавках же по углам поставят по оловяннику меду. Постель стелят на двадцати одном ржаном снопе и как подадут на стол последнее кушанье, то есть жаркое, то дружка, обернув блюдо с жарким, калачом и с солонкою, верхней скатертью, понесет в сенник к постели, а потом поведут и молодых. В дверях у сенника отец посаженный сдает ее с рук на руки новобрачную ее мужу и говорит увещательную о содержании на узаконенных порядках супруги речи; и когда придут к постели то жена тысяцкого, надев на себя две шубы, одну так, как должно, а другую сверх того на выворот, опять осыпает молодых осыпалом, то есть деньгами, хмелем и зерновым хлебом и кормит их уже в постели. Поутру приходят те же свадебные чиновные и стрелою поднимают одеяло с молодой и свидетельствуют ее непорочность, потом водят молодых в мыльню, а после кормят молодых кашей, и тогда молодая дарит гостей дарами и овощами. Когда молодой на другой день поутру бывает в мыльне, теща присылает ему все платье, то есть такое, в каком из бани до покоев дойти можно. В церкви во время венчания подстилали молодых под ноги камку или другую какую материю, а сверх нее соболи или куницы или другую мягкую рухлядь. В прочем во все время брачного торжества, когда молодой возьмет за руку свою молодую, то должен вести ее до назначенного места, не отпуская ее руки, а иначе между ними будет вечное несогласие.

У малороссиян отец жениха посылает двух сватов к отцу невесты и дает им хлеб, который, если будет на то согласие, оставляют хлеб в залог у отца невесты, а от него берут другой на обмен, и потому назначают день свадьбы. На все время свадьбы избирается из

девок одна светилка, которая во время стола, сидя в большом углу, держит увитую калиновыми ветвями с ягодами казацкую саблю, на которой прилеплена восковая зажженная свечатройчатка. После венчания жених и невеста отходят из церкви по своим домам, а пообедав жених благословляется от отца и матери хлебом и солью, едет к невесте на дом. По середине невестина двора выставляется тогда квашня, накрытая скатертью, а на ней хлеб и склянка горилки. Мать невесты выходит навстречу в вывороченной шубе, сидя на вилах или кочерге и держа в руках горшок с водою и овсом, который дарит зятю, а он выливает из него на гриву своей лошади и отдает пустой горшок старшему боярину, который бросает его в сторону, и если горшок разобьется, то молодая родит сына, а когда уцелеет, то дочь. Потом брат или сродник продает невесту, говоря что она в пятнадцатилетнее время пребывания у них съела и выпила пять бочек бураков, то есть свеклы, три бочки капусты, четыре вола или быка, шесть кабанов или боровов десять овец, сто гусей, двести кур, семьдесят пять уток, двадцать кулей хлеба, пять бочек пива, две бочки меду, пять бочек горилки, то есть хлебного вина, за что получает две или три копейки. По выезде из дома невесты жених несколько раз стегает ее плетью, и говорит: «Покидай нравы отца и матери и привыкай к моим». При выезде в дом жениха в воротах зажигается куль соломы, через который должны все переехать. По ужине придя на подклеть невеста разувает жениха, который бьет ее голенищем, и она получает лежащие в сапогах деньги. Ежели невеста сохранила свое девство, то все гости идут в дом ее отца, и с радости бьют у него окна, ломают печи, лавки, столы, стулья и все что ни попадется, за что отец не только не досадует, но еще и одаривает их. Потом взяв невестин красный передник, по-ихнему запаску, привязывают на высокий шест и выставляют у ворот на целый день в знак целомудрия невесты. По отпраздновании у всех, приходят опять в дом жениха, где свекор взяв палку, тычет ею в глаза невестку, спрашивая у нее, не слепа ли она, а потом потчивает горелкою. Потом дружка, жених и все гости идут в дом невесты и принося с собой курицу, обложенную ветвистой калиной и пирогами без начинки и называемые по их стульни. Дружка разрезает курицу и дает отцу голову и два пирога; теще столько же пирогов и гузку, а потом всем гостям по куску пирога и курицы. Таким образом препровождают целую неделю в таких обрядах и пированьях, при игрании на скрипке и при пении и различных песен.

Описав свадебные обряды многих народов, обитающих в России, нахожу за нужное заметить, что нигде невеста, входя в дом жениха, не бывает столь поносима, кроме города Торопца. Там жених и все его домашние нарочно призывают для того девок, которые при входе ее от венца в дом жениха, стоя на крыльце поют между прочим: «Нам чиль бы Василисушка во трех шубах, ажно она беременна, ты несешь ли люлечку, ты ведешь ли нянечку. Оглянись ко ты назад, полюбовники стоят, да по грамотке держат». Это, мне кажется ни увеселения, ни чести ни жениху ни невесте не приносит. А вообразя тогдашнюю перемену состояния девицы, а при том и умной, ибо там и знатное купечество это употребляет, то конечно представится, что этот нигде не употребляемый обычай много походит на сумасбродство. И если он будет оставлен, то, конечно, убытка из того в свадебных обрядах никакого не последует.

Сватовство у малороссиян и украинских слобожан между простым народом происходит следующим образом. Пришедший в возраст сын объявляет отцу своему под веселый час, что ему такая-то соседская девушка понравилась, и он имеет намерение на ней жениться. Отец, уважая просьбу своего сына и находя в том необходимость, призывает к себе двух стариков-свойственников или своих соседей и предлагая им намерение своего сына, причем и сам сын, придя, им кланяется весьма низко и с покорностью просит их, чтобы они приняли на себя труд пойти к такому-то человеку в их или в другом селе живущему, сватать дочь его ему в жены. И получив на то их согласие, вручает им каждому по посоху в знак их от него полномочия и посольства; и дав им нарочно для этого изготовленный хлеб, провожает

их за ворота, откуда эти сваты или по тамошнему названию, старосты, идут в дом невесты, придя к которому, кладут хлеб на стол и приветствуют хозяина обыкновенными словами, желая ему во всем благополучия. Хозяин просит их сесть, спрашивает их о разных вещах; они ответствуя на хозяйские вопросы краткими речами, постукивают об пол своими посохами в изъявление того, что им не о том говоришь надобно: причем стараются изъяснить свое намерение прямыми словами. Хозяин услышав это, просит времени на размышление и, если находит жениха достойным его дочери то входит в хижку, или клеть к своей жене и призвав туда дочь свою спрашивают нравен ли ей жених? На что она, ежели ей нравится, отговаривается незнанием и преданием себя в волю родительскую; в противном случае перечисляет его пороки, и всемерно отказывается от супружества. Итак, если родители видят своей дочери согласие, и находят в предлагаемом им зяте свои выгоды, то вводят пред сватами дочь свою, которая подносит на деревянной тарелке каждому из них по ручнику, или утиральнику полотняному долгому, шитому бумагою, а иногда шелком, или золотом, в изъявление согласия на их предложения. Они же, приняв из рук невесты дары, перевязывают их через плечо, и оставив в залог посольства своего у хозяина принесенный ими хлеб, а взяв на обмен другой, идут в дом жениха с радостною вестью. Жених, видя возвращающихся посланников своих со знаками веселия, встречает их у ворот и вводит к отцу, где назначают они день свадьбы по общему их и невестиных родителей условию. С того времени до дня свадьбы, жених посещает свою невесту, которая обыкновенно бывает окружена сверстными ей и с нею беседующими девицами, ибо у них до дня свадьбы песен никаких не поют; также и жених невесте даров до того времени не приносит; равным образом и приданого от тестя не требует, а предается в том на его соизволение; при том имеет дозволение препровождать с невестой не только день, но и ночи в уединении, с обязательством, что он ничего противного целомудрию не предпримет, что и исполняется.

Надобно знать, что у малороссиян обыкновенно бракосочетания совершаются в воскресный день; почему накануне его, то есть, в субботу назначаются девичники в невестином доме, куда по приглашению невесты, собираются отобранные девушки, называемые дружки, то есть подружки, между которыми, избирается одна светилка, которая во время свадебного стола, сидя в большом углу, держит на увитой калиновыми ветвями с ягодами козацкой сабле, зажженную восковую свечу-тройчатку, а к вечеру к ужину приезжает жених со свойственниками и с боярами к невесте, у которой бывает несколько девиц (упомянутых дружек) которые обыкновенно бывают посажены за стол напротив бояр или молодцев и там раздает жених дары от обеих сторон отцу, матери и свойственникам, а дружки поют разные свадебные песни и там ужинают, а потом танцуют, под игру на скрипке и гуляют до полуночи.

Бояре и дружки в воскресный день у заутрени бывают с невестой и женихом, которые после обедни венчаются. Из церкви после венчания жених с боярами и со своею беседой отходит в свой, а невеста в свой же дом с дружками; и у жениха кушают бояре со светилкой, свахой, старостами и дружками; причем сваха и светилка пришивают боярам, старостам и скрипачу к шапкам красные, из лен сделанные цветки или букетики цветов и за это получают от каждого из них по одной или по две копейки. Пообедав, отец и мать жениха садятся на шубу, вывернутую вверх шерстью, держа в руках большой ситный или ржаной хлеб. Сын кланяется сперва отцу, который его благословляет хлебом, а потом и матери кланяется равномерно в ноги и просит дозволения об отъезде в дом невесты; так же и мать благословляет его хлебом и отпускает в желанный путь.

Получив таким образом отпуск от родителей, жених с боярами, старостами, свахой, светилкой и с дружками едет ко двору невесты. При их приближении маршалки или дружки дают знать отцу и матери невесты, что приехал их зять и кладут на стол хлеб и склянку горелки. Мать невесты дарит дружку и поддружего рушниками и повелевает им въезжать на двор, где посреди двора стоит квашня, накрытая скатертью, а на квашне хлеб и склянка

горелки. Тут выходит навстречу мать в вывернутой шубе, сидя на вилах или кочерге и держа в руках горшок с водой и овсом, который она дает по приближении зятю, а тот, взяв от нее горшок, льет из него на гриву лошади и отдает старшему боярину; боярин, приняв от жениха горшок, бросает его в сторону; и примечают – если разобьется горшок то родится сын, а если уцелеет, то дочь. Потом жених сходит с лошади, а на лошадь садится брат невесты или какой ни есть свойственник и пускается вскачь по улице во всю прыть, а за ним в погоню пускаются бояре на своих конях и поймав его, ведут во двор к невесте, а там его, сидящего на коне потчуют вином, причем подносящий говорит: «Прошу выкушать», а тот ему кланяется и не берет чарки вина, которую дружка переливает и, налив еще раз, снова просит его, но и сейчас тот не берет. Дружка опять спрашивает, чего ему надобно? Денет, отвечает тот, после чего дружка, вынув из кармана несколько копеек, кладет их на тарелку и ему подносит. Тот, взяв деньги и потом выпив вино, слезает с лошади, а бояре несколько раз слегка стегают его по спине прутиками или плетками, но он от них уходит; потом подходит к сенным дверям и, взяв обнаженную саблю или большую палку садится возле невесты.

А жених со свахой и светилкой стоят в сенях за порогом. Потом мать невесты выходит с зажженной восковой свечой и зажигает держимую светилкой на сабле тройчатку, целуются через порог и вводят жениха в горницу с позволения старосты по отзыву дружка, на всякое предначинание, требующего соизволения, где сидит невеста с подругами, а возле невесты сидит уже упомянутый ее малолетний брат или свойственник, которого дружка спрашивает: «Зачем ты здесь сидишь?» «Я берегу сестру свою», – отвечает тот. Дружка возражает: «Она уже не твоя, но наша». «А если она ваша, то заплатите мне за корм, который я на нее употребил», – продолжает этот отрок. «А что ты на нее употребил?» – вопрошает дружка. «Весьма много, – отвечает мальчик: – 5 бочек бураков, 3 бочки капусты, 4 вола, 6 кабанов, 10 овец, 100 гусей, 200 кур, 75 уток, хлеба 20 кулей, пива 5 бочек, меду 2 бочки, горелки 5 бочек прочего в бытность ее в нашем доме за 15 лет». Выслушав это дружка вынимает из кармана две или три копейки денег и, положив их в деревянную тарелку, на которой стоит налитая чарка простого вина, подносит ее с деньгами продавцу, который, видя мало число денег, не склоняется на уступку и продолжает свой торг до пяти, а иногда и до десяти копеек. Получив их, он, он выходит из-за стола и стоявший до сих пор посреди горницы жених садится за стол рядом с невестой, одетой в смурый или белый суконный кафтан, обутой в красные козловые, подбитые железными ободками сапоги, в шерстяной пестрой юбке, по-тамошнему называемой плахте, в красном переднике или запаске и в шитой узорами белой холстинной сорочке, имея на голове две завитые кружком косы из природных волос, а вокруг головы повязанные разные шелковые ленты и длинным на спине лежащими концами, на шее несколько ниток красных кораллов, именуемых монисто и медный крест, на руке – медные кольца; а жених одет в два смурых кафтана и в шаровары того же сукна, в пестром шерстяном поясе и в красной суконной шапке, обложенной черной овчиной, в черных, смазанных дегтем сапогах (широких, наполненных многими онучами, стянутых ременными подвязками с медными пряжками) из которых в одном лежат две копейки денег, с медным перстнем на руке и с утиральным платком, шитым по холсту красной бумагой, в поясе, висящем на правом боку. В этом одеянии сидит он за столом, окруженном уже названными ранее гостями. По окончании их заседания, отец, мать и свойственники невесты, войдя к ним с налитыми чарками вина, потчивают их и всю беседу, а потом дружка старостин спрашивает обыкновенным образом, дабы дозволено было раздавать подарки отцу жениха и матери и всем свойственникам. Первое отцу – хлеб, матери – сапоги, свойственникам – хлебы и плашки, а дружкам – по горсти орехов и по два бублика или кренделя. От жениха таким же образом и от невесты всем свойственникам хлебом и платками, а боярам – каждому по холстинному, шитому или тканому бумагой платку. Потом дружка просит дозволения старосты или посаженного отца молодым и всем гостям идти на двор танцевать; староста по троекратной к

нему просьбе изъявляет на то свое согласие, и все выходят на двор и там под музыку пляшут до тех пор, пока соберут на стол и позовут к обеду, к которому равным образом по благословению старосты входят и занимают всякий свое место.

Стол накрыт шишою или тканой скатертью сверх килима или ковра, на котором поставлены деревянные белые или красные тарелки и ложки, для каждого несколько ножей, а вилок нет. Перед женихом и невестой стоит одна тарелка и две ложки, лежащие крестообразно, и ржаной хлеб целый, обсыпанный солью. Посреди стола стоит каравай или кулич, накрытый крестообразно же двумя утиральниками, ткаными красной бумагой и осеняемый большой еловой, воткнутой в него ветвью. Позади их в углу, где стоят иконы, стоит сабля с зажженными свечами. Как жених, так и невеста весь обед ничего не едят. По принесении первого кушанья, состоящего обыкновенно из лапши со свининой и курицей, отец и мать потчивают гостей и пьют за здоровье новобрачных; то же делается и при щах, жарком и капусте, состряпанной с перцем. В продолжении стола сестра невесты или свойственница, сняв с жениха шапку, пришивает к ней сделанный из розовой ленты цветок, по тамошнему называемый кветка, а по исправлении этой должности поет пристойную песню и получает за от дружки несколько копеек... В это же время дружка по благословении старости прочитав Отче наш и сняв с каравае рушники, берет один себе, а другой дает подружжю и, перевязавшись через плечо, разрезает этот кулич на части и рассылает всем тут присутствующим. Всякий, принимающий кусочек кулича, дает за то копейку или более на разживу новобрачной. После этого выходят на двор танцевать, в чем упражняются до самого вечера. В сумерки входят в горницу, садятся тем же порядком за стол, где подается ужин, по окончании которого подружки невесты, простясь с невестой и откланявшись, уходят по своим домам, получив в дар по горсти орехов и по несколько бубликов или кренделей. Старшую дружку провожают бояре при пении, музыке и пляске до ее двора. По уходе дружек жених с невестой ужинают за особым столиком в уединенном чулане... В это время дружки и свахи, собрав все приданое невесты на телегу или сани и посадят туда невесту со светилкой и со свахой, везут ее в дом к жениху, который едет туда же верхом с боярами, придерживаясь правой стороны от телеги невесты. Тут надо заметить, что вскоре по воезде со двора тестя, стегнув невесту несколько раз плеткой, говорит ей: «Покидай нравы отца и матери и привыкай к моим». По въезде в дом жениха посреди ворот зажигается куль соломы, через который переезжают едущие с невестой в телеге и все следующие за ними. Потом все входят в горницу, кланяются отцу и матери, садятся за стол и ужинают тут же тем же порядком, как и в доме невесты. По окончании ужина дружка со свахой и со свойственниками ведут новобрачных в подклеть и там на некоторое время оставляют их одних. Невеста при входе в спальню разувает жениха, который, скинув сапог, бьет ее голенищем по спине, повелевает ей взять оттуда прежде сказанные деньги; потом ложатся спать на постланной на полу соломе, покрытой ковром или войлоком, который им служит вместо одеяла. Побыв там некоторое время, молодой призывает дружку и объявляет ему о целомудрии своей жены. Тот призывает всю беседу и при виде знаков девства переменяют ей сорочку и, оставив ее с мужем в спальне, идут в отцовские покои и там изъявляют свою радость о благополучии новобрачной; разным образом веселятся, одни поют, другие пляшут, напевая пристойные песни. Потом идут к отцу невесты со всем многолюдством и, придя туда, в знак радости бьют окошки, печи, лавки, столы, стулья и всё, что им ни попадет в руки, так что иногда целый дом раскидают, не только не опасаясь за это отцовского гнева, но еще и рассчитывают на благодарность. И подлинно, отец и мать невесты, услышав о благополучии своей дочери, не сожалеют об этом убытке, но еще и одаривают принесших эту радостную весть утиральниками и платками, те же с дарами возвращаются в отцу жениха, где проводят время до самого рассвета в разных забавах.

На другой день, в понедельник, гости собираются в доме молодого. По утру рано приходит старший боярин к молодой и, взяв у нее красный передник (запаску) привязывает его

на высокий шест и выставляет у ворот, где он висит до самого вечера во изъявление целомудрия новобрачной, а потом дружки, сваха, бояре, соседи, свойственники и прочие гости, взяв в предшестве дружки хлеб и склянку горелки, с боярами и с прочими веселыми идут в дом к старшей дружке и, придя туда, ставят хлеб и горелку на стол. Старшая дружка выходит и потちивает их вином и выставляет им покушать. Поев, все идут во двор, и под музыку танцуют, а потом и ко все остальным дружкам ходят; таким же образом ходят и к боярам, бывают и у свахи, и у светилки и у прочих; обойдя же по ряду всех, идут к молодому и спрашивают дозволения у его отца вести молодых в церковь. Отец позволяет и, надев на молодую кибалку или наметку и чепец, то есть женский головной убор, и обвязав его красной лентой, выпускает из дома, причем дает дружке, попу, дьячку и пономарю по хлебу и по склянке горелки и, приведя жениха с многолудством в церковь, где оставя их на притворе или на монастыре поющих разные песни, дружка с подружжиком идут к попу в дом. Там ему на стол ставят хлеб и склянку горелки и просят его, чтобы он ввел молодых в церковь. Поп требует от них платы и, получив ее, идет к церкви, где, приступив к дверям и прочитав молитву за порогом, берет новобрачных и вводит их в церковь, в которой читает молитву покровению главы и покрывает молодую серпанком или фатою, окропив же их водой, с благословением отпускает в дом.

После этого все свадебные гости идут в дом к отцу жениха, где сажают молодых за стол, куда приходит свекор или отец жениха с палкой и тычет ей невестку в глаза, спрашивая: не слепа ли она? – затем, сняв с нее серпанок, потちивает ее вином. В это время дружка выставляет на деревянной тарелке паточный мед, намазав которым кусок калача, съедает его сперва сам, а потом манит таким же куском молодого и молодую, поднеся к их рту и обманывая их, так как сам тут кусок съедает; потом же он отдает им намазанные ломти хлеба, чем потちивают и остальных гостей. Потом по благословению старосты выходят во двор для забасы с пляской, причем дружка начинает танцевать, а потом старший боярин, взяв тарелку и наполнив чарку вина, также положив на тарелку немного денег, подносит молодой, которая принимает деньги с тарелки, выпивает чарку вина, а потом начинает танцевать с боярином; таким же образом она со всеми перетанцует и гуляют они довольно, а потом входят в избу, садятся за стол, где отец и мать их потちивают. В это время дружка, спросив у старосты обычным образом и прочтя Отче наш, разрезает кулич и подносит отцу и матери, всем свойственникам и свадебным гостям, которые дарят молодых разного рода домашним скотом и другими вещами для заведения ими хозяйства. Потом, взяв битую, иногда вареную, а иногда и сырую курицу, обложив ее ветвистой калиной и красной нитяной бумагой, также и пироги без начинки, называемые стулны, дружка идет с молодым и всей свадебной беседой к тестю и к теще, под пение песен и игру на скрипке; придя туда, входят в горницу и ставят курицу с хлебом на стол. Хозяева (тесть и теща) угощают зятя и всех пришедших. Потом дружка раздробляет курицу и дает тестю пару пирогов и курячью голову, теще – заднюю часть курицы и столько же пирогов, а прочим гостям – по ломтю пирога и по куску курицы. При этом теща, одевшись, идет к свату или отцу жениха со всей беседой, и там они ужинают, веселятся разными играми всю ночь до рассвета, а на завтрашний день, то есть во вторник собираются все гости (исключая бояр и подружек) в дома к обоим сватам и ходят компаниями из дома в дом и потちивают друг друга кушаньями и напитками, не оставляя и забавы разного рода. То же продолжается и в последующие дни всю неделю, и тем свадебные обряды оканчиваются.

СМЕТА

во что обходится свадьба простолудину

С невестиной стороны

На подарки

Р. К.

Свекру, или отцу жениха 20
Сверкови или матери жениха
красные козловые сапоги, цена 50
Золовке, сестре жениха, сапоги 50
Деверю, брату его же 1
Другим свойственникам и свойственницам
смотря по числу их серпанков и калачей,
примерно около 2
Боярам платков по 10 коп за платок, всего на 60
Подружкам-девицам орехов и кренделей на 30
Свахе, светилке и старостам разного звания
дары, всего на 80
Сена лошадям гостей на 30

Столовых припасов
Разного хлеба на 3 руб.
Вина простого 2 кадки, или 9 ведер, цена 6 руб.
Мяса разного и сала свиного на 2.20
Соли четверть пуда 10
Рыбы свежей и вяленой, также и масла конопляного на 90
Перцу на 10
Итого 17 руб. 41 коп.

Со стороны жениха

За венчание попу, дьячкам и пономарю 1.50
Тестю или отцу невесты 20
Теще, или матери невесты серпанок
(т. е. фату) цена 50
Шурина и свояченице, то есть брату
и сестре невесты, по паре калачей 4
Свойственникам и свойственницам смотря по
числу их серпанков и калачей, примерно около 2
Подружкам, девицам, бывшим на свадьбе,
орехов и калачей 20
Боярам на цветки светилкой покупаются
красные ленты 5

Столовых припасов
Разного хлеба на 3 руб.
Вина простого 2 кадки или 9 ведер, цена 6 руб.
Мяса разного и сала свиного на 2.20
Соли четверть пуда 10
Рыбы свежей и вяленой, также и масла конопляного на 90
Перцу на 10

Итого 16 руб. 79 коп.

А всего с обеих сторон 33 руб. 20 коп.

Брови свербят

— у кого засвербят брови, тот будет «смотреть на потных лошадей», то есть приехавшего к нему издалека гостя и будет ему кланяться или же кланяться будет за сделанное какое-либо благодеяние.

Буг, река

— славянами эта река было обоготворяема, черпали из нее воду с благоговением, со страхом и трепетом.

Бударин

— форпост близ Яицкого городка. Уральские казаки верят, что при жизни их родителей была зарыта в овраге засыпанная деньгами лодка (называемая по их будар), которой и по это время найти не могут, хотя многие к тому и великое старание прилагают. А потому прозван овраг, форпост и рукав речки Бударин Ерик.

Булавка

— булавки давать никому не должно, чтобы не раздружиться или не поссориться, а когда необходимо передать булавку, то надо ею принимающего кольнуть, тогда уж обойдется без ссоры.

Булумер

— болгарский город, развалины которого находятся в пригороде Билярске⁹. Тем древним городом Булумер или Буляр владел некий храбрый государь, который обогатясь многой корыстью от побежденных народов, потомков своих почитал недостойными владеть своими сокровищами. Он построил в городе высокий столб, а под ним — подземную палату и скрыл там все свое богатство с волшебными заклинаниями; оно еще и теперь там находится. Некоторые люди пытались подрываться к закланной хранине, но, приблизившись, увидели при самом входе ужасную черную собаку, прикованную цепями и стерегущую лежащие внутри сокровища. Она бросилась на похитителей с великой яростью, и ужасный голос ее принудил их возвратиться в свои дома, где все они лишились чувств и разума.

⁹ Биляр — средневековый (10–13 вв.) город, в 12-нач. 13 вв. столица Булгарии Волжско-Камской. Остатки около с. Билярск в Татарстане. «Построен на развалинах древнего болгарского города Булумера, который был окружен тремя концентрическими валами: первый, около р. Билярки, имеет до 12 вер. в окружности; около второго видны развалины древних зданий; посреди третьего находилась высокая кирпичная башня. В буграх и ямах находят монеты с надписью «Буляр». В одной грамоте, данной Билярску, упоминается о том, что на месте его исстари находился бусурманский город Булумерской за Камой рекой и что Булумером владел царь Балынь-Гозя, над могилой которого по смерти была построена «Каменная палата». Действительно, в 3 вер. к С. от Билярска, на возвышенности, называемой Балангуз, находятся развалины каменного здания, на плитах которого написаны арабские и татарские слова. Татары и башкиры считают это место святым и приходят сюда ежегодно на поклонение». (из «Энци. Словаря Брокгауза и Ефрона»). (Прим. ред.).

Бурхан

— калмыки и другие народы верят, что бурханы, их боги, были достойные люди, которые за свою жизнь сделали много замечательного в сравнении с прочими: все страсти попрали, все главные добродетели совершили, шесть родов душевных научили и по проповеди Сангарди шестьдесят одному народу один закон проповедали.

Белбог

— божество варяжских славян, имел кровавый образ, покрытый множеством мух; они его почитали добрым богом. Мухи обозначали его питателем всех тварей земных, жертвовали ему с весельем, сопровождаемым играми и радостным пированием.

Беглючи

— так называют калмыки своих святых или угодников, что опочивают в обители далай-ламы, который по их мнению имеет такую силу, что предстательством своим может из беззаконника произвести в святые.

Бесовское городище

– городок, стоявший на берегу реки Камы, бывший болгарского еще владения, недалеко от построенного позже города Казани. В том городе был храм некоторого идола, который как уверяли, производил многие чудеса и давал ответы, а также исцелял от болезней; если кто проходил мимо его капища, не принеся ему ничего в жертву, то он их умерщвлял и лодьи, плывущие по рекам опрокидывал и потоплял; этот идол или бес перед взятием Казани исчез из своего капища при виде дыма, но прежде предрек о пленении казанцев.

Бесы

— камчадалы чертей почитают больше, чем своих богов, потому что больше их боятся.
См. Вера.

В

Ведат

— черемисы называют этим именем лешего, присваивая ему повелительную силу над лешими, зверями и птицами; он якобы может сделать звериные промыслы удачными или несчастливыми.

Вдова

— у камчадалов никто не возьмет за себя вдовы, если с нее не будет снято греха, а это состоит в совокуплении с посторонним человеком. Но всякий камчадал для себя считал бесчестием — снимать таким образом грех с вдовы, но приехавшие на Камчатку казаки многих вдов от этого греха разрешили.

Вилка и Крючок любовные

– См. Любовь.

Вогулы

(иначе *вогуличи*) – исчезающая народность финского племени в России; живет главным образом на восточном склоне Северного Урала, а также отчасти и на западном. Всего больше В. в юго-западной части Березовского и северо-западной Тобольского уезда Тобольской губернии; кроме того, они живут еще в северной части Верхотурского уезда Пермской губернии.

Вода

— в январе месяце пить из реки припадкою воду почитается у камчадалов за великий грех; но надлежит в то время иметь при себе ковш или бараний рог, употребляемый вместо ковша.

Водяной дедушка

— эти особые черти живут в воде, а особенно в мутной и возле мельниц: они купающихся без креста уносят в воду, а особенно маленьких детей, и там, как уверяют глупые, имеют великолепные и богато убранные палаты.

Волк

— камчадалы во время праздника очищения грехов делают волка из сладкой травы и медвежьего жира, и после совершения некоторых торжественных обрядов съедают. См. Грехов очищение.

А прочие простаки и обманщики сушат волчье сердце и, истолча его, бросают на дорогу в то время, когда невеста или жених едут в церковь; будто от этого лошади шарахнутся, встанут на дыбы и далее не пойдут.

Волос или Велес

— славянский бог скота, его считали на второй степени после Перуна; он имел храм в Киеве и во многих других городах.

Волосы

– остригая волосы, суеверы берегут их так же, как и ногти в особом месте и кладут с собою в гроб, веря, что на том свете в каждом их волоске потребуют отчета.

А если кто, завязывая волосы, оставит ненарочно локон или прядь волос незавязанными, то верят, что это предвещает им дорогу.

Волхв или Волховец

— сын князя Славена, создавшего город Славенск. Древние наши писатели придавали ему знание чародейства и силу волхвования. Новгородский летописец объявляет о нем, что он на берегу реки, именем Мутной, прозванной в честь него Волховом, построил городок и разбойничал по этой реке, превращаясь в крокодила и производя многие чудесные действия силой своего волхвования. Поэтому некоторые тогдашние язычники сочли его богом, но наконец, повествует летописец, черти его задавили. Почитатели погребли его на берегу Волхова, отправили по нему великолепную тризну, а над могилой его по тогдашнему обычаю насыпали бугор, который потом провалился, и ямины той и по сей день, сказывают, видны еще остатки.

Волшебники

— для волшебства употребляют они большей частью волшебный барабан, который у российских лопарей не что иное, как продолговатый, с одной стороны кожей обтянутый ящик, около которого бывает великое множество веревочек и всяких мелочей. На барабанной коже представлены изображения небесных светил, а также зверей, птиц, заручительных знаков и тому подобного. Волшебник, положив на него кольцо и ударив колотушкой, которую представляет мохнатый олений рог, может узнавать по тому изображению, на которое ляжет подпрыгнувшее кольцо, какой давать ему ответ на все вопросы, касающиеся прошлого или будущего. Барабаном своим он также призывает демонов, причем тело их в то время обмирает, а душа уходит на сборное место и там с ними советуется, что отвечать; а иные предсказывают по трясению луковой тетивы, качанию ноги и по небесным знакам. Предсказывают и всякие безделицы, благополучные и несчастные дни, знают наперед, когда будет дождь, но и сами могут располагать погодой и ветром, в состоянии удерживать и насыщать гадину, делают жен и стада плодородными; предсказывают также по трещинам, которые образуются на брошенных в огонь овечьих лопатках или хвостовых суставах; они узнают воров, отгадывают вероломство в любви, успех в путешествиях и прочая. См. Шаманы и ворожеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.